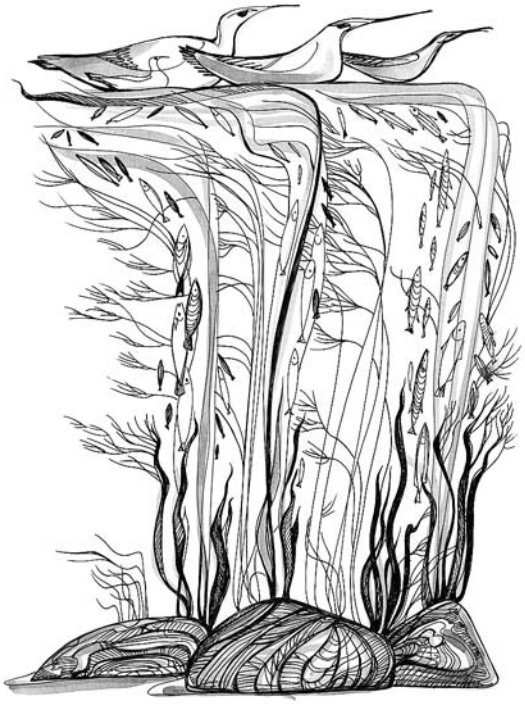
ОТРАЖЕНИЯ

Екатерина Седачёва



По дороге длинной, по дороге пыльной
шла я и горевала —
знаешь, как люди горюют?
Когда камень поплывет, как рыба,
тогда, говорю, и будет
для души моей жизнь и прощенье.
Поплывет себе камень, как лодка,
легкая при попутном ветре,
расправляя золотые ветрильца,
пестрые крапивницыны крылья,
золотыми веслами мелькая
по дальнему шумному морю.
И что было, того не будет.
Будет то, чего лучше не бывает.

Ольга Седакова

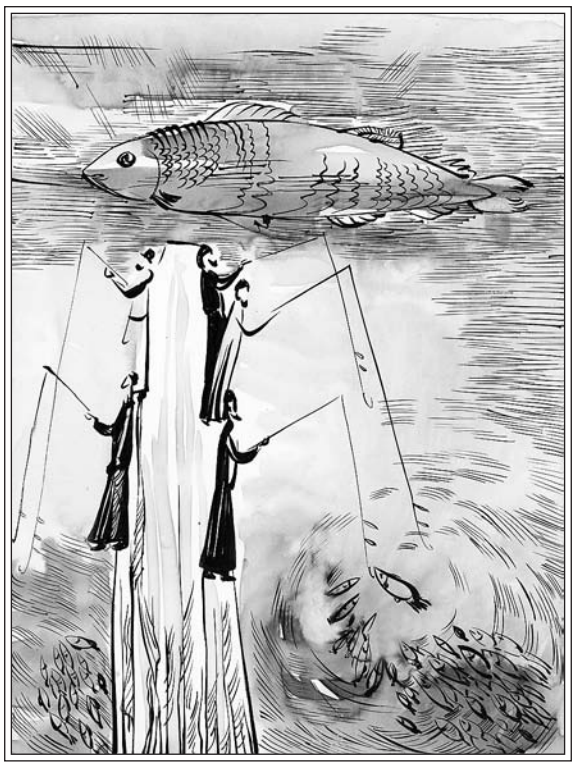
КАМЕНЬ, ПТИЦА, ТИШИНА

Если попытаться метафорически осмыслить громаду Белого моря, приходишь к самому простому: камню, лодке, птичьему крылу, рыбьему всплеску. В этом ряду нет человека, потому что не в человеческих силах стать подобием морю. Это понимают живущие на берегах сильные и немногословные люди. Это понимает и художник. Потому люди беломорские в творчестве Екатерины Седачёвой — либо созерцающие, либо мечтающие, либо ожидающие, то есть те, кто способен пробиться сквозь монолит времени, на котором стоит всё Беломорье и Соловки, в частности.

Камень, крыло, рыба — образы, сопровождающие и повседневный пейзаж, и поэтическое мечтание. Они свои в мире любого человека, вне зависимости от степени причастности к искусству. Это ангелы-проводники, проявленные в графике Седачёвой. И таким ангелам стоит довериться.

Екатерина Седачёва — художник, возможности которого пока не оценили ни издательства, ни галеристы, ни музейщики. В такой период жизни художник часто замыкается на первичных образах: автопортрете, обеденном натюрморте, виде из окна. Из окна Екатерины Седачёвой в Пертоминске видны бесформенные железные конструкции советской постройки. Ни на одном эскизе художницы этих образов нет. И быть не может. Потому что Екатерина Седачёва живет в другой, и отнюдь не воображаемой, реальности. О потребностях воображения художница говорит просто: «Мне лишь бы море было видно. Утром встаю, смотрю, сосед на бережок курить идет. Я чашечку чаю наливаю — и за ним. Губы (имеется в виду Унская губа Белого моря) кусок видно — и хорошо!..» Подлинность художественного восприятия Екатерины Седачёвой в том, что она преодолевает вид из окна. Ее рисунки не переносят в область вымышленного. Напротив, они узнаваемы и способны только приблизить к реальному. Узнаваемость сюжетов — самой высокой пробы: пейзажи знакомы, но при этом не являются частью бытовой повседневности.

Таковы, например, камни. Объясняя происхождение камней на своих картинах, Екатерина Седачёва обращается к поэзии Ольги Седаковой.



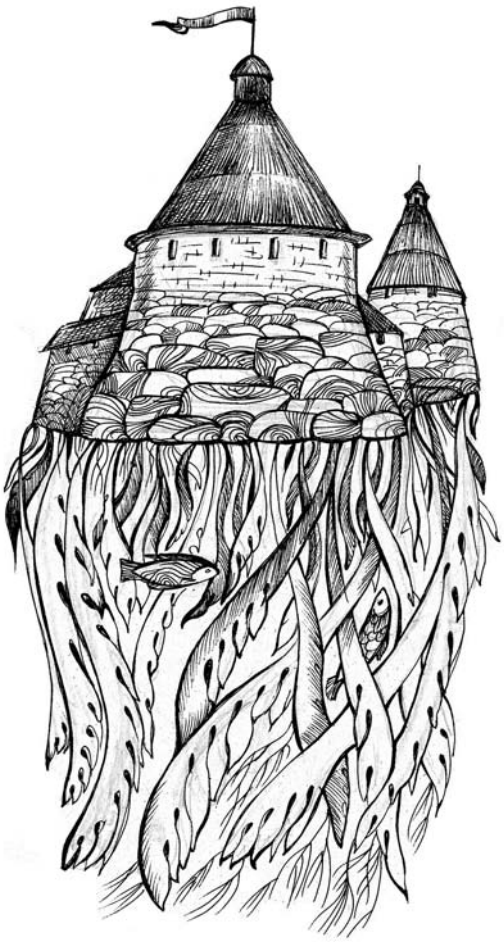
Иногда вместо камня можно увидеть на берегу яйца чайки. Образ яйца характерен для более поздней, философски оформившейся графики Седачёвой. Это и тайна рождения, и таинство крещения, и свидетельство чуда, и восторг перед жизнью.

Или цикл работ о монахах-рыболовах. Рыба — один из самых первых христианских символов, графическое исповедание веры. Неторопливо и сосредоточенно черпают монахи веру из пресных соловецких озер и густо-соленого моря. На картинах Седачёвой нет ни одного, рыбу поймавшего. Но над головами рыбарей парит огромная прозрачная рыба.

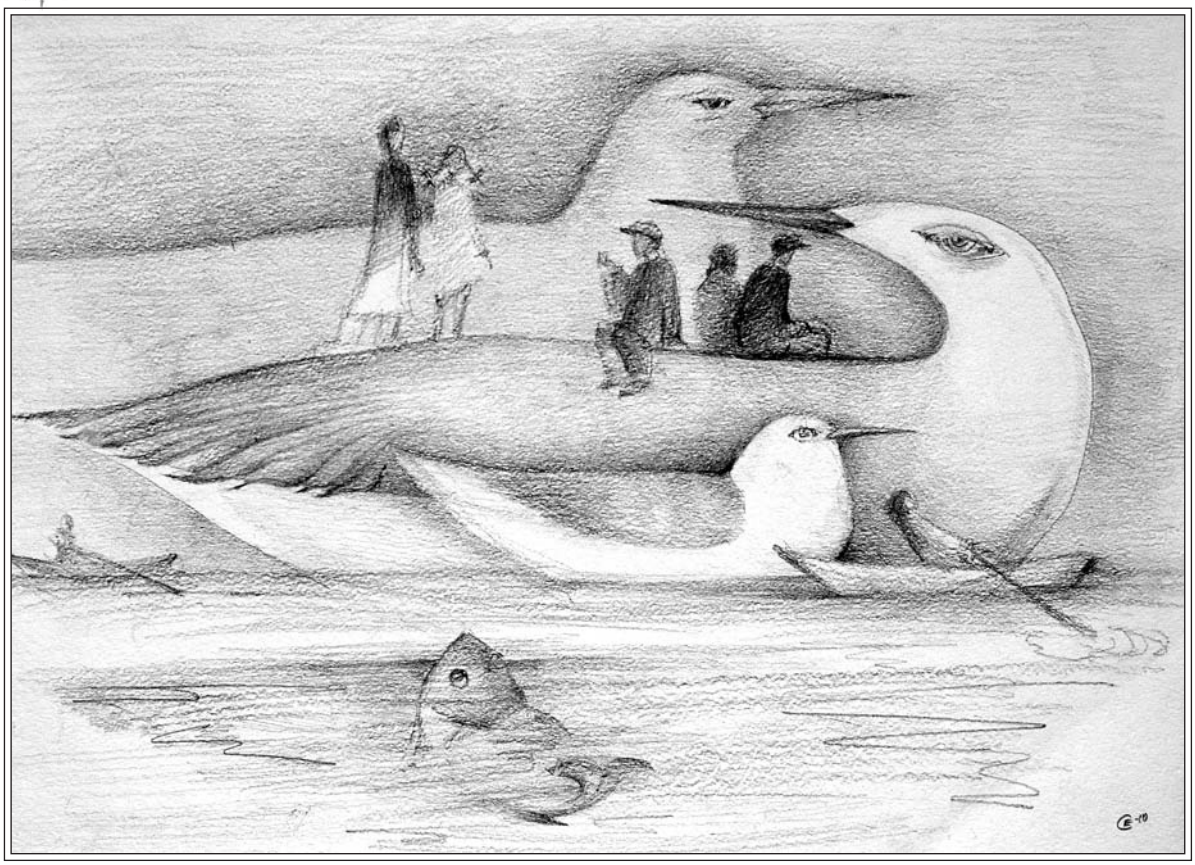
Взмах плавника — перевернутое в отражении движение крыла? Так и живет человек между двух парений, воздушного и водного. Птицы у Седачёвой несоразмерны человеку. Они огромны, потому что свободны. Люди же будто прикованы к месту. В работе «На берегу», где четкие фигуры рыбаков зыбки, как воздух, фигуры их жен на втором плане более телесны, а две огромные птицы — камни спокойствия в волнении ожидания. И в волнении моря, конечно.

Море ведь тоже не просто море. «Белое» за несколько столетий называли по-разному: Соловецкое, Студеное, Северное, Спокойное. Просто «море» — это для курортников. Для того же, кто посвящает себя морю или отождествляет себя с ним, или меряет по нему — это лик о тысяче лиц: свободы, вдохновения, предупреждения, слабости и силы, веры и страха Божьего.

В чем еще, кроме моря, находит утешение художница? В Шергине, в Ковале, в Пушкине и Достоевском. Юрий Коваль в очерке о Шергине приводит одно из воспоминаний Бориса Викторовича: «…из Соловков были привезены сундуки с церковными облачениями. На одном из сундуков была позднейшая наклейка: «Белые одежды». На первый взгляд все одежды были белые. Но был к сундукам приложен старый инвентарь, и у составителя, человека XVIII века, вкус и взгляд были более тонкие, чем у нас. Наше поверхностное понятие «белый» он заменяет словами: цвет сахарный, цвет бумажный, цвет водяной, цвет облакитный (облачный). Мы бы сказали — муаровый». Белое море чаще всего именно такого цвета, от которого глаза светлеют. Такова же и невесомая графика Екатерины Седачёвой.



И что было, того не будет.
Будет то, чего лучше не бывает.



В путешествии по современной России иногда приходит такая мысль: может быть, город спасется, если в нем живет чудак, прекрасный бессребреник, какой-нибудь поэт или художник, или коллекционер старины? В «Деяниях апостолов» есть такие слова: «И были они единодушно вместе». Художник Екатерина Седачёва единодушно вместе с морем Северным, Соловецким, со всем, что живет и дышит на его берегах. От причастности к душе моря приходят образы. И все легко — и мысли, и встречи.

И воспоминания о встречах: «Ребята тут приезжали. В шутку говорю: «Пошли на берег чай пить с самоваром!» Все сидят, а один говорит: «Пошли!» Вдвоем, с самоваром, с водой, с шишками. Пришли на берег — трубу забыли. Ладно! Согрели. Давай пить! Заварку забыли. Травки богородицкой заварили. Ну что, давай чайку! Кран не открывается. Прикипел. Поднажали, открыли. Пили-пили, пили-пили. Солнце село. Комары налетели. Пора домой идти. Самовар открыли — только половину выпили. Надо тренироваться!»

Наталья Вишнякова

Седачёва Екатерина Владимировна

Родилась в 1960 г. в п. Пертоминске Приморского р-на Архангельской обл. В 1978 г. окончила Ломоносовское училище резьбы по кости в с. Ломоносове Холмогорского р-на Архангельской обл., в 1988 г. — Абрамцевское художественно-промышленное училище.

Преподавала в Архангельском училище рисунок и живопись.

В настоящее время занимается творчеством.

Екатерина Седачёва с родителями. 1980-е гг.

…Там, за далью непогоды,
Есть блаженная страна:
Не темнеют неба своды,
Не проходит тишина.

Но туда выносят волны
Только сильного душой!..
Смело, братья, бурей полный
Прям и крепок парус мой.

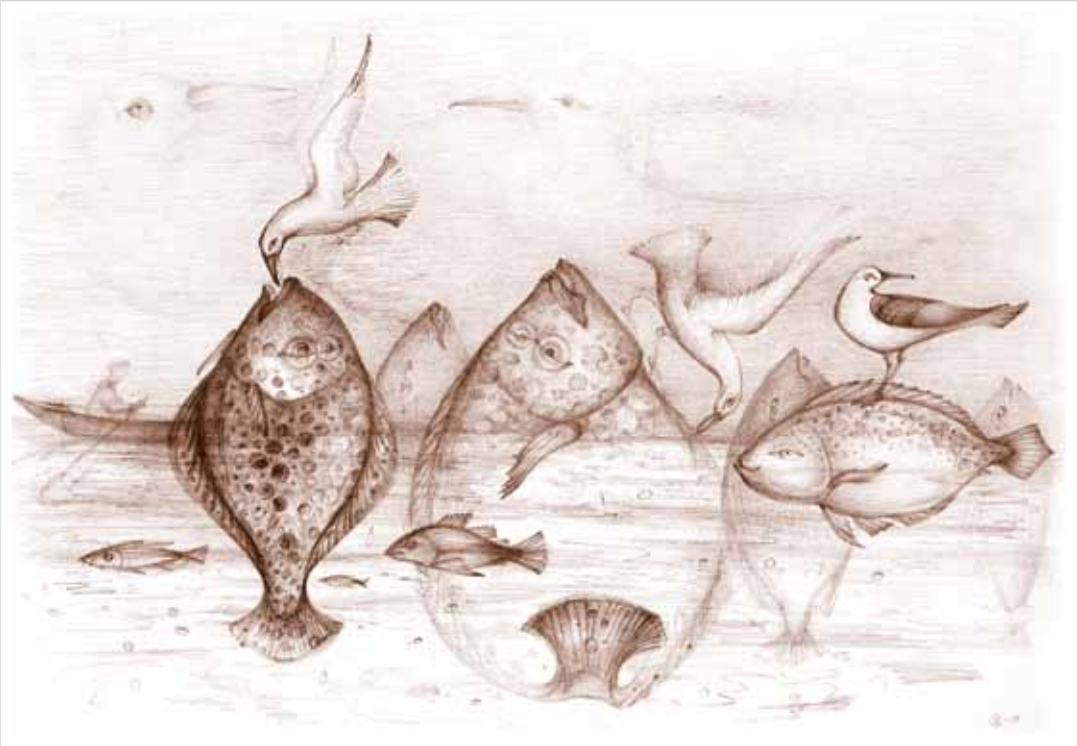
Николай Языков, 1843

Дороги Соловков. *Батик*

Пролетая над Соловками. *Батик*

Рыбный промысел. *Бумага, тушь, акварель*

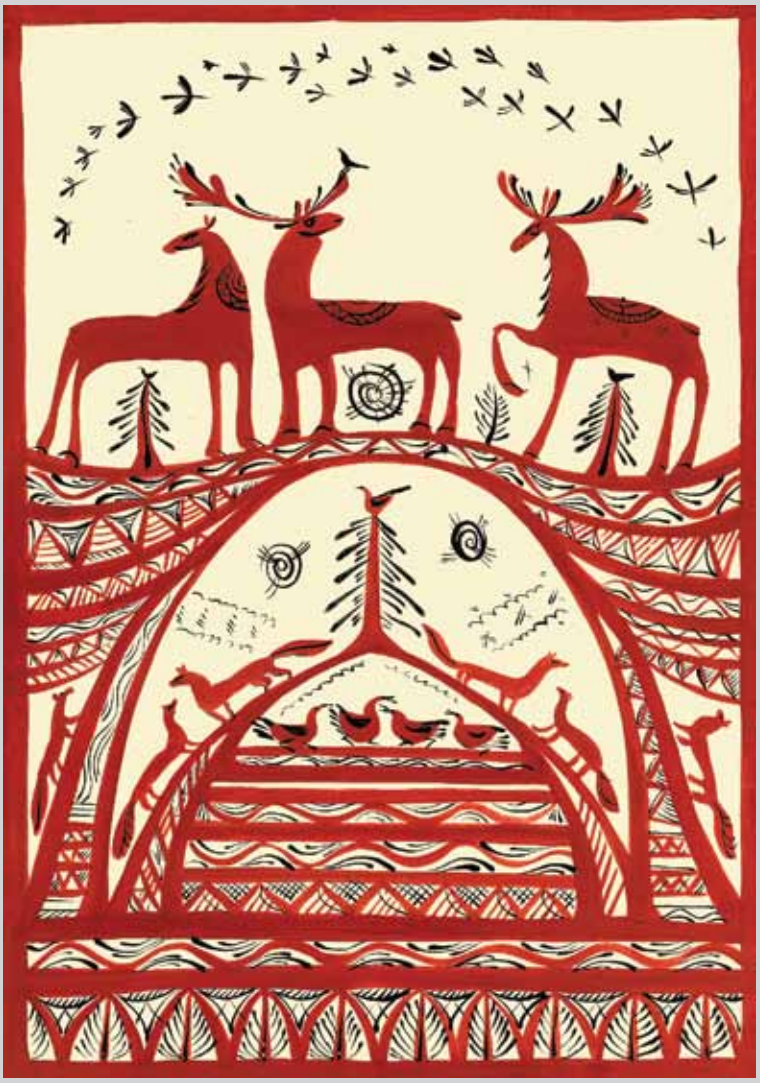
На Летнем берегу. *Картон, тушь, акварель*



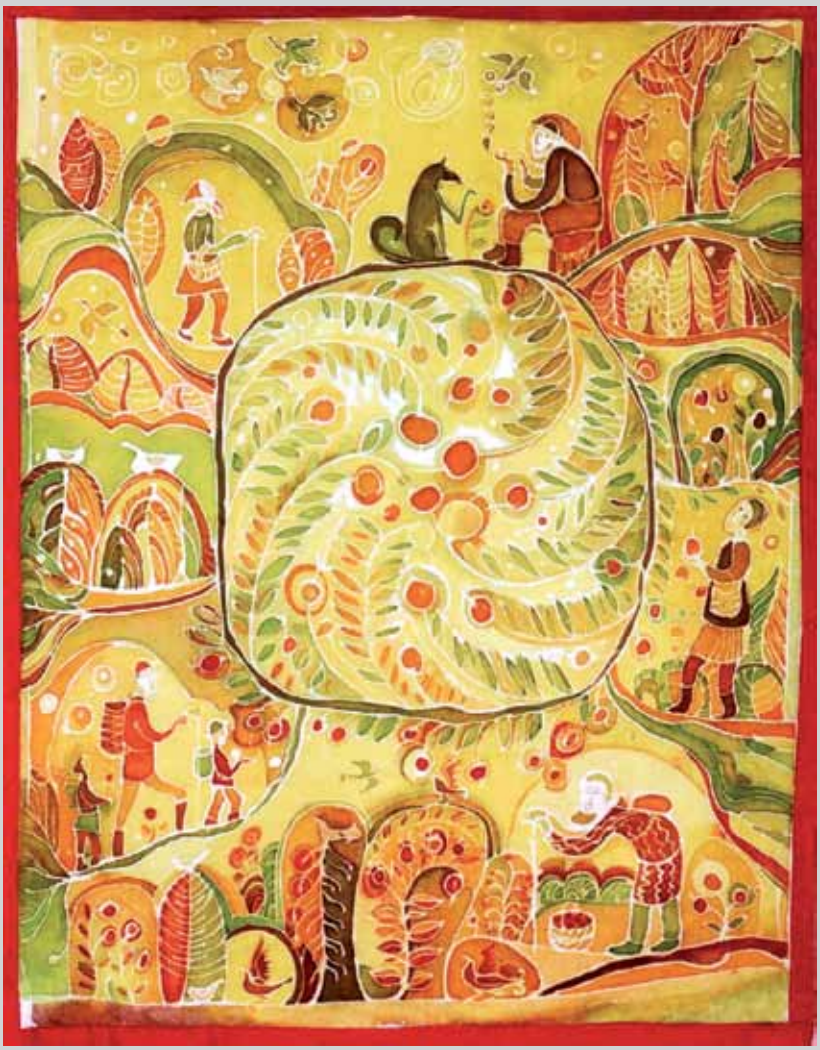
Рыбы и птицы. *Бумага, карандаш*

Рыбацкая тоня. *Бумага, тушь, акварель*

Ритуальные танцы. *Картон, тушь*



Северная сказка. *Картон, тушь*



Клюквенная осень. *Батик*

Одинокая птица. *Картон, тушь*

В неведомой стране. *Картон, тушь*